ВСТРѢЧА СЪ АБРЕКАМИ [1].

(Посвящается княгинѣ Маріи Михайловнѣ Дадіанъ).

Я БЫЛЪ назначенъ 20-го мая 1862 года вахтеннымъ начальникомъ на трехмачтовый транспортъ «Дунай», подъ командой капитана-лейтенанта Аѳанасія Палеолога. Транспортъ стоялъ въ Севастополѣ. По полученіи приказа на другой же день я отправился изъ Николаева къ мѣсту нахожденія готовящагося уже къ отплытію въ Сухумъ судна.

Въ описываемое мною время транспортныя военныя суда, предназначенныя исключительно для перевозки грузовъ, носили кормовой флагъ совершенно различный отъ флаговъ, поднимаемыхъ на боевыхъ военныхъ судахъ; помимо этого, и весь внѣшній и внутренній ихъ видъ мало имѣлъ чего либо общаго съ судами, на флагштокѣ которыхъ развѣвался бѣлый, съ голубымъ крестомъ, морской военный флагъ; начиная съ вооруженія и кончая характеромъ службы, суда эти производили впечатлѣніе скорѣе импонирующихъ купцовъ, чѣмъ грозныхъ воиновъ; они не снабжались никакими воинскими доспѣхами: ни пушками, ни ружьями, ни даже холоднымъ оружіемъ; считалось только обязательнымъ, какъ вообще для всѣхъ плавающихъ въ морѣ судовъ, имѣть сигнальное орудіе, но и эта двухфунтовая мѣдная пушечка не всегда удостоивалась на нашихъ транспортахъ должной о ней заботливости.

---

[1]) Черкесы, давшіе обѣтъ безпредѣльной храбрости, не щадя своей головы и не взирая ни на какія опасности.

Патріархальность жизни, царившая на нѣкоторыхъ подобныхъ судахъ, безцеремонность и халатность въ служебныхъ пріемахъ, ярко характеризовалась кличками, присвоенными этимъ судамъ въ черноморскомъ флотѣ: такъ, транспортная шкуна «Анапа» именовалась Маня, а «Новороссійскъ»—Анжелика. Если бы у женатыхъ служащихъ на этихъ судахъ офицеровъ было по одной лишней каютѣ, то весьма возможно, что, отправляясь въ плаваніе, они брали бы съ собой и свои семейства, какъ это дѣлали, нисколько не стѣсняясь, иные командиры транспортовъ, представлявшіе собою большею частью добрыхъ и благодушныхъ товарищей, чѣмъ достодолжно строгихъ начальниковъ. Позднѣе уже, вслѣдствіе ли случившагося съ транспортомъ «Дунай» и описываемаго мною эпизода, или по другимъ соображеніямъ, но всѣ правительственныя суда, безъ различія ихъ предназначенія, одинаково поднимали на своей кормѣ военный морской флагъ, и названіе «транспортъ» не избавляло уже судна при выходѣ въ море отъ обязанности снабжать себя оружіемъ, требуемымъ военно-морскимъ уставомъ, чѣмъ и весь строй службы на немъ отожествлялся съ таковой на военно-боевыхъ судахъ.

Не имѣя надобности заходить на своемъ пути въ какой либо портъ, мы взяли курсъ прямо въ Сухумъ, пошли на перевалъ. Дулъ все время легкій и мало попутный намъ вѣтеръ, который на четвертый день утромъ совершенно стихнулъ. Мы находились на высотѣ Керченскаго пролива. Съ утра уже было душно, на небѣ ни одного облачка; чѣмъ ближе время подходило къ полдню, тѣмъ жаръ становился невыносимѣе; яркое солнце своими жгучими снопами раскаливало поливаемую матросами палубу судна, воздухъ былъ неподвиженъ; паруса уныло болтались на реяхъ. Какъ только насталъ полдень, и просвистали къ водкѣ, на горизонтѣ къ нордъвесту показались быстро надвигавшіяся тучи; вскорѣ солнце скрылось, и все небо заволоклось свинцовыми облаками, барометръ упалъ: на транспортѣ убрали верхніе паруса, спустили стеньги; вся морская поверхность окуталась зловѣщимъ мѣднокраснымъ сумракомъ; наконецъ, въ глубинѣ тучъ послышалось глухое рокотаніе грома, а за нимъ сверкнула огромная молнія; жгучій вѣтеръ рветъ паруса, хлопаетъ ими, кренитъ судно; нѣкоторые валятся съ ногъ, изъ каютъ-компаніи доносится грохотъ разбившейся посуды; транспортъ, какъ щепку, бросало со стороны на сторону; офицеры и команда держались за снасти. При благопріятныхъ обстоятельствахъ во время плаванія, чередуясь, одна вахта отдыхаетъ, теперь же на верхъ были вызваны обѣ вахты. Вѣтеръ ревѣлъ; начало смеркаться; вскорѣ темная ночь опустилась надъ моремъ. Самыя опасныя минуты во время шторма—это поворотъ судна въ моментъ перехода его на другой галсъ; очутившись противъ вѣтра и теряя ходъ, оно уже не сопротивляется волнамъ, которыя еще съ большей силой,

плескомъ и шумомъ взметывались иа палубу и съ дикимъ грохотомъ разбивались о мачты. Судно вздрагивало, металось во всѣ стороны; паруса полоскались, бились; всю ночь съ страшнымъ ливнемъ продолжался штормъ. Только къ утру, когда на востокѣ забрезжилъ свѣтъ, небо начало очищаться, порывы вѣтра дѣлались слабѣе, мягче; волны, теряя свою силу, свои сѣдые гребни, легче ударяли въ бортъ уменьшившаго свои размахи судна; всѣ стали глядѣть какъ-то спокойнѣе; движенія людей были натуральнѣе. Просвистали «подвахтенныхъ внизъ». Истомленныя лица озаряются улыбками, нѣкоторые крестятся; одна половина изнеможенной, выбившейся изъ силъ команды спускается въ кубрикъ на покой, оставшіеся, исключая часовыхъ и вахтенныхъ унтеръ-офицеровъ, ютятся, гдѣ только возможно на палубѣ, стремятся отдохнуть, до перваго призыва сомкнуть свои усталые глаза.

Къ семи часамъ утра на востокѣ, сквозь свѣтлый сумракъ утра, начали вырисовываться силуэты горъ. По астрономическимъ наблюденіямъ мы находились въ 20-ти миляхъ отъ Псезуапскихъ возвышенностей, у подножія которыхъ были расположены многочисленные, враждебные, какъ и почти все еще тогда восточное побережье Кавказа, черкесскіе аулы. Никто изъ насъ не допускалъ возможности въ этой мѣстности столкновенія съ морскими пиратами. Когда заштилѣло, то мы, собравшись на верхней палубѣ, совершенно хладнокровно относились къ тому, что образовавшеюся крупной зыбью транспортъ прибиваетъ къ берегу; послѣ долгаго глазѣнія на однообразіе морской поверхности мы съ удовольствіемъ всматривались въ малѣйшія видоизмѣненія все яснѣе и яснѣе очерчивающейся передъ нами въ голубой дали цѣпи горъ. «Что это за черныя пятна показались вонъ тамъ?»—сказалъ мичманъ Вережниковъ, указывая на нихъ рукой. Дѣйствительно, въ указанномъ направленіи, постепенно отдѣляясь отъ берега, на блистающихъ въ лучахъ солнца пологихъ и гладкихъ волнахъ, казалось, точно ныряя и снова выныривая, приближались къ намъ исполинскіе дельфины. Подзорная труба обходитъ по рукамъ, и послѣ нѣкоторыхъ предположеній всѣ убѣждаются, что это не что иное, какъ наполненныя вооруженными кавказскими хищниками галеры. Вызвавъ всю команду на верхъ, капитанъ объявилъ, что употребитъ всѣ средства къ защитѣ, а въ безысходный моментъ мы должны взорваться на воздухъ. Затѣмъ, обратившись къ штурманскому офицеру, отдалъ ему приказаніе отправиться съ фитилемъ въ крюйтъ-камеру и по полученіи имъ на то приказанія взорвать транспортъ. Слова капитана спокойно были выслушаны командой; никто не желалъ отдаться живымъ въ руки непріятеля. Единственнымъ средствомъ для обороны представлялся камень, которымъ былъ нагруженъ транспортъ; имъ и было рѣшено воспользоваться; черезъ нѣсколько минутъ команда загромоздила имъ всю верхнюю

палубу судна. Галеры, усиленно выгребая, замѣтно приближались къ намъ; не участвующіе въ греблѣ черкесы стояли вплотную, среди торчащихъ ружей; въ подзорную трубу уже хорошо можно было разсмотрѣть давно намъ знакомые высокія, заостренныя папахи и войлочныя бурки. Надъ одной изъ галеръ блеснулъ огонекъ, и за раздавшимся глухимъ ударомъ цѣлый дождь пуль съ визгомъ пронесся надъ нами, пробивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ паруса. Когда галеры подошли къ корпусу транспорта, то груда камней полетѣла въ нихъ. Черкесы, со всѣхъ сторонъ окруживъ насъ и приставивъ къ судну трапы, старались взобраться на транспортъ; нѣкоторые изъ нихъ уже высовываются изъ-за борта, команда отбивается отъ нихъ ганшпугами, ломами, топорами. По временамъ удается опрокинуть въ воду непріятельскій трапъ съ стоящими на немъ горцами, и радостныя восклицанія раздаются на суднѣ; еще болѣе вызываетъ восторгъ команды разбитая грохнувшимся въ нее якоремъ подошедшая къ якорному клюзу галера. Почти часъ продолжалась наша борьба; мы сознавали, что намъ тяжело бороться съ тремя стами съ ногъ до головы вооруженныхъ дикарей и въ эти тяжелыя минуты вдругъ увидѣли зарябившуюся вдали морскую гладь; еще минута, и на суднѣ почувствовалось колебаніе воздуха, подулъ, шелестя парусами, легкій нордъ. Транспортъ двинулся впередъ, оставляя за собой галеры. Все вниманіе наше было теперь сосредоточено на парусахъ, какъ бы связанныхъ съ нами электрическимъ токомъ. На палубѣ, послѣ продолжительнаго напряженія, безпорядочной бѣготни, хаоса, все стихло, успокоилось; вскидывались только тревожные взгляды на гнавшіяся за нами галеры, и на порой заполоснувшійся парусъ. Въ это время изъ гротъ-люка медленно поднимались по трапу нѣсколько матросовъ, они тащили на верхъ случайно найденную, заваленную камнями, сигнальную пушку. Лица у нѣкоторыхъ просіяли, но ненадолго; на суднѣ не оказалось ни одного ядра. «Ваше благородіе, пугнуть бы ихъ холостымъ зарядцемъ?»—сказалъ, обращаясь къ намъ, боцманъ. Получивъ согласіе на это капитана и въ одну минуту загнавъ зарядъ, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ. Ошеломленные горцы вдругъ остановились, но послѣ нѣкотораго раздумья снова продолжали гресть. По заходѣ солнца стало быстро темнѣть, вскорѣ море и облачное небо опутала однообразная мгла, въ которой совершенно потонули и контуры горъ и преслѣдовавшія насъ галеры. Чтобы потеряться, не обнаруживать себя, на транспортѣ потушили всѣ огни, необходимыя работы производились молча, безъ свистковъ. По временамъ вѣтеръ затихалъ, судно уменьшало ходъ; при этомъ всѣ невольно внутренно вздрагивали, съ тревожнымъ чувствомъ зорко всматриваясь въ ночной мракъ, въ даль, и напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, къ малѣйшему плеску волны. По полуночи вѣтеръ усилился; бросили лагъ; ходу оказа-

лось восемь узловъ; мы пріободрились. Сейчасъ же взвился на мачтѣ отличительный фонарь, освѣтились кубрикъ и каютъ-кампанія, зажгли камбузъ. Чтобы наиболѣе пользоваться вѣтромъ, мы измѣнили даже румбъ и только утромъ, находясь по счисленію въ 50-ти миляхъ отъ скрывшагося съ глазъ берега, снова взяли курсъ на Сухумъ; но къ вечеру вѣтеръ стихнулъ. Находясь въ неопредѣленномъ положеніи относительно времени прихода нашего въ Сухумъ, капитанъ приказалъ приготовиться къ похоронамъ убитыхъ. Ночь была чудная; въ отливавшемся свинцовымъ блескомъ, усѣянномъ яркими звѣздами небѣ, красиво играя по гладкимъ соннымъ волнамъ, высоко сіяла полная луна. Вызвали всѣхъ на верхъ, подняли палубу, подвѣсили снасти, команда умылась, почистилась и къ 12-ти часамъ выстроилась на лѣвой сторонѣ шканцевъ, а на правой, на парусинныхъ койкахъ, лежали облаченные въ бѣлыя рубахи, крестообразно окруженные тускло мерцавшими фонарями, двое убитыхъ. По прочтеніи молитвы, къ ногамъ покойниковъ привѣсили баластины и одного за другимъ спустили за бортъ. Всѣ какъ-то невольно высовываются, смотрятъ внизъ, въ воду, жадно ловятъ глазами только что всплеснувшуюся и поглотившую трупы волну.

Я вступилъ на вахту съ часу пополуночи до четырехъ утра. На транспортѣ царила глубокая тишина; кругомъ точно все застыло, море лежало неподвижно, будто очарованное; тяжелое чувство испытываешь во время заштилеванія судна, какъ-то озлобляешься за свое безсиліе выйти изъ такого инертнаго состоянія. Пробило четыре склянки, это два часа. «Впередъ смотрѣть!»—вскрикнулъ я. — «Есть»,—послышался съ бока голосъ часового. «Огонь видать!»—снова гаркнулъ онъ, и вслѣдъ за этимъ, вдали, по направленію къ сѣверу, на темно-синемъ фонѣ горизонта, какъ-то особенно ярко загорѣлся фальшфейеръ. Когда обмѣнялись ночными сигналами, оказалось, что это была паровая шкуна «Туапсе»; черезъ полчаса она уже рѣзала бортъ транспорта, таща за собою турецкую кочерму. Имѣя экстренное порученіе, капитанъ шкуны просилъ нашего командира облегчить его: принять на себя хлопоты по доставкѣ въ Сухумъ плѣнныхъ женщинъ. Вѣсть о случившемся быстро разнеслась по транспорту. Все офицерство и почти вся команда были уже на верху. На десятивесельномъ катерѣ я отправился за плѣнными. Когда катеръ приблизился къ кочермѣ, на ней замелькали быстро передвигавшіяся тѣни, послышались полные отчаянія гортанные голоса, а затѣмъ вдругъ все стихло; не было никакого сомнѣнія, что выражали отчаяніе женщины; сначала я предполагалъ, что онѣ побросались съ противоположной стороны въ море, но, не слыша всплеска воды, рѣшилъ, что черкешенки скрылись внутри судна. Вступивъ на кочерму, я замѣтилъ въ носовой ея части медленно приподнимавшихся и низко

мнѣ кланявшихся черкесовъ. У горцевъ уже искони практиковалось отвозить своихъ юныхъ дщерей въ Константинополь; этотъ освященный у нихъ временемъ обычай вполнѣ удовлетворялъ обѣ стороны: родители получали значительный калымъ, а у дочерей ихъ исполнялось завѣтное желаніе: облачившись въ парчу, утопая въ нѣгѣ, любоваться въ гаремѣ богатаго паши, а то болѣе счастливымъ и въ гаремѣ самого султана, своимъ украшеннымъ дорогими побрякушками нарядомъ. Правительственнымъ судамъ строго предписывалось ловить рыскавшія у кавказскихъ береговъ кочермы, лишать ихъ возможности, на обратномъ пути изъ Константинополя, привозить огнестрѣльные оружія и снаряды, что усложняло наши военныя операціи на Кавказѣ.

Воспользовавшись тѣмъ, что одинъ изъ гребцовъ моихъ, находившійся въ плѣну у горцевъ, говорилъ по-черкесски, я велѣлъ передать, что мы хотимъ взять женщинъ на транспортъ; мое предложеніе, видимо, имъ не понравилось. Вопрошающе поглядывая другъ на друга и окидывая меня подозрительными, злобными взглядами, они долго затруднялись отвѣтомъ, только послѣ моихъ настоятельныхъ завѣреній, что гуріямъ ихъ будетъ оказано заботливое вниманіе, и что на транспортѣ имъ будетъ удобнѣе и безопаснѣе, горцы, молча, закивавъ мнѣ, подойдя къ кормѣ, одинъ за другимъ, стали спускаться внизъ. Вдругъ я услыхалъ неистовые, душу раздирающіе крики, а вслѣдъ за этимъ увидѣлъ порывисто выскакивающихъ, дико озирающихся по сторонамъ, съ разсыпавшимися по плечамъ волосами, точно обезумѣвшихъ женщинъ. Въ эту минуту, угадавъ мой жестъ, гребцы мои, однимъ прыжкомъ очутившись на кочермѣ, схватили трехъ черкешенокъ, на этотъ разъ помѣшавъ имъ броситься въ море, какъ это уже и было на одной пойманной нашимъ судномъ кочермѣ. Матросы, хотя съ большимъ трудомъ и съ исцарапанными до крови лицами, но бережно приподнявшись по трапу съ своей дорогой ношей, вступили на бортъ транспорта.

Для нашихъ неожиданныхъ плѣнницъ на кубрикѣ, со всею предупредительностью, было отгорожено отдѣльное помѣщеніе.

На транспортъ былъ также взятъ одинъ изъ черкесовъ, изъявившій желаніе состоять при своихъ единоплеменницахъ. По окончаніи вахты, спускаясь внизъ, я услыхалъ спорящіе голоса; мое любопытство было тѣмъ болѣе затронуто, что говоръ происходилъ на совершенно непонятномъ для меня языкѣ. На кубрикѣ, возлѣ отведеннаго черкешенкамъ помѣщенія, я увидѣлъ чуть ли не дерущихся, размашисто жестикулирующихъ двухъ субъектовъ: одинъ изъ нихъ былъ черкесъ, а другой—мой переводчикъ, матросъ Павлюкъ; при моемъ появленіи оба спорящіе замолчали. Я былъ убѣжденъ, что Павлюкъ при моемъ допросѣ, путаясь въ словахъ,

скрывалъ настоящую причину своей ссоры. Впослѣдствіи уже выяснилось, что онъ требовалъ слѣдуемую ему изъ выкупной суммы долю отъ плѣнившаго его черкеса. Если не ошибаюсь, то въ концѣ 1860-хъ годовъ правительствомъ былъ отмѣненъ выкупъ плѣнныхъ, старались это дѣлать посредствомъ обмѣна людей; слишкомъ уже часто захватывались наши нижніе чины горцами не только въ стычкахъ съ ними, но также во время какъ бы неосторожнаго появленія ихъ на рубежѣ непріятельскихъ владѣній; въ концѣ концовъ было констатировано, что плѣненіе это часто совершалось по обоюдному соглашенію равно этимъ заинтересованныхъ сторонъ, по заранѣе уже составленному ими плану; уговоры же эти заключались посредствомъ парламентеровъ-горцевъ, посѣщавшихъ наши береговыя укрѣпленія.

На третій день прихода нашего въ Сухумъ, по желанію бывшаго тогда начальникомъ морской станціи капитана 1-го ранга Шафранова и его супруги, всѣ три черкешенки, нисколько уже не сопротивлявшіяся, вполнѣ успокоившіяся, были доставлены къ нему въ домъ. Самой старшей изъ нихъ и самой красивой, называвшейся Фатьмой, было 16 лѣтъ, самой же младшей 14; черкешенки рано развиваются и 14-ти лѣтъ уже выходятъ замужъ. Необыкновенно трагическая участь постигла Фатьму; двѣ другія были взяты на воспитаніе: одна гагринскимъ воинскимъ начальникомъ, а другая—батальоннымъ командиромъ въ Сухумѣ; обѣ, принявъ православіе, вышли замужъ за пѣхотныхъ офицеровъ. Фатьма черезъ два года по возвращеніи моемъ снова въ Сухумъ была неузнаваема; когда я вошелъ въ домъ начальника станціи, на первыхъ порахъ меня встрѣтила высокая элегантная, съ чрезвычайно красивыми формами, подъ узкимъ корсажемъ, молодая дѣвушка—это была Фатьма. Большіе умные черные глаза ея смотрѣли мягкимъ, но въ то же время пронизывающимъ взглядомъ, черные темные волоса обрамляли ея выразительный лобъ, все лицо ея представляло собою соединеніе выдающейся красоты. Когда Шафрановъ сказалъ ей, что я—тотъ самый офицеръ, который помѣшалъ ей броситься въ море, она, вся раскраснѣвшаяся, устремивъ на меня свои лучистые глаза, замахала головой; она не повѣрила Шафранову, у нея сильно запечатлѣлся обликъ схватившаго ее тогда матроса.

Въ Фатьму былъ безумно влюбленъ одинъ изъ нашихъ флотскихъ офицеровъ, лейтенантъ Д. Хорошій человѣкъ и хорошій офицеръ, но неуклюжій и флегматикъ; можетъ быть, ему и удалось бы завладѣть сердцемъ молодой азіатки, но на бѣду его и его кумира она познакомилась съ бригаднымъ адъютантомъ Безсоновымъ, красивымъ, жизнерадостнымъ молодымъ человѣкомъ, и воспылала къ нему страстью; никто не могъ ее убѣдить въ томъ, что по нашимъ законамъ она не можетъ быть женой уже женатаго человѣка. Без-

соновъ своимъ ухаживаніемъ за Фатьмой былъ невольнымъ виновникомъ того грустнаго, взволновавшаго всѣхъ въ Сухумѣ, эпизода, что она, явившись къ нему на квартиру и заставъ въ ней его жену, объявила ей, что будетъ женой ея мужа; та велѣла выгнать свою соперницу. Фатьма, на глазахъ толкавшихъ ее солдатъ и собравшейся при этомъ на улицѣ публики, вонзила себѣ въ сердце кинжалъ.

С. Гунаропуло.